

Цзи Линьсюэ не собирался подходить, но та, заметив его, сама направилась к нему.

— Цзи Линьсюэ, — голос Линь Мусинь звучал ровно, одета она была безупречно — ни морщинки, ни лишней складки. Глядя на неё сейчас — эту спокойную, уверенную в себе женщину, — никто бы не поверил, что она способна на ту дикую, пугающую истерику, свидетелем которой он стал в прошлый раз. — Я ведь так и не поблагодарила тебя как следует за прошлое. Если бы не ты, я даже представить боюсь, что бы они сделали с Сяоси.

Она погладила Гу Цзыси по голове, и в глазах её на мгновение плеснулась настоящая, неподдельная боль. Всего на миг, но Цзи Линьсюэ успел её заметить.

— Благодарить нужно не меня, — голос его прозвучал сухо, почти резко, разрушая эту фальшивую идиллию. — А Гу Хэнчжи. Это он попросил меня помочь.

Если бы не Гу Хэнчжи, он бы ни за что не ввязался в эту историю. Слишком рискованно, слишком глупо, слишком опасно. Он пошёл туда не ради неё и не ради этого мальчика.

Гу Хэнчжи твердил, что ему плевать на брата, что они чужие люди. Но в решающий момент всё равно пошёл в логово к бандитам. Один. Без оружия, без защиты. Просто потому, что не мог иначе. Просто Цзи Линьсюэ оказался быстрее.

А Линь Мусинь... она говорила слова благодарности, красиво, правильно, с нужными интонациями. Но за всё время, что он провёл в больнице, ни разу не пришла. Ни разу. Пустые, фальшивые слова, от которых становилось тошно.

Улыбка на лице Линь Мусинь дрогнула, поползла трещинами. Пальцы крепче сжали ремешок сумочки — так сильно, что побелели костяшки.

— Я понимаю, вы друзья, ты хочешь за него заступиться, — процедила она сквозь зубы, и в голосе её зазвенела сталь. — Но не нужно врать. Я слишком хорошо знаю, что он за человек. Если бы не я, неизвестно, вырос бы вообще Сяоси или нет. Я ночами не спала, караулила, чтобы этот... чтобы он ничего не сделал.

Цзи Линьсюэ вдруг отчётливо осознал, что разговаривать с ней бесполезно. Это всё равно что объяснять что-то параноику, который видит врага в каждом, кто подходит ближе чем на шаг. Пустая трата времени.

— Если вы так считаете, мне больше нечего сказать, — голос его был абсолютно спокоен, даже равнодушен. — Но я бы посоветовал вам, госпожа Линь, показаться врачу. Проблемы с головой — это серьёзно. Запускать нельзя.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?! — Линь Мусинь потеряла самообладание, лицо её исказилось, красивая маска слетела, обнажив под собой нечто злое, мелкое, дрожащее от

ярости.

Они застыли друг напротив друга в напряжённой тишине, и в этот момент Гу Цзыси шагнул вперёд, заслоняя собой мать.

— Ге Линьсюэ, — в голосе мальчика звучала обида, маленькое личико раскраснелось от гнева, глаза блестели, — ты мне очень нравишься, правда. Но ты не можешь так говорить о моей маме! Нельзя!

Цзи Линьсюэ смотрел на него — на этого маленького, упрямого, готового защищать мать любой ценой, — и вдруг с кристальной ясностью понял то, что ускользало от него раньше. Понял, почему в оригинальной книге Гу Хэнчжи стал тем, кем стал.

Дело было не только в материнской несправедливости или отцовском равнодушии. Дело было в предательстве брата.

Линь Мусинь искренне любила Гу Цзыси. Она была для него настоящей матерью — заботливой, любящей, всегда рядом. И он, естественно, выбирал её. Выбирал ту, кто была с ним каждый день, кто кормила его, ласкала, защищала, целовала на ночь. А старший брат, вечно холодный, вечно далёкий, вечно молчаливый, вечно с этим своим непроницаемым лицом... что он значил в сравнении с этим?

Гу Цзыси знал, что мать не любит брата. Знал, что она говорит о нём гадости, обвиняет в том, чего он не делал, смотрит на него волком. Знал — и молчал. Потому что ему было хорошо. Потому что у него были любящие родители, тёплый дом, спокойная жизнь. Зачем ему было разрушать это счастье? Зачем ему было вступаться за того, кто сам всегда держался в стороне?

Их отношения затянулись в тугой узел, который годы только сильнее стягивали, затягивали, пока не осталось ни малейшего зазора. Разрезать его могло только одно — полный разрыв.

Разговор закончился, так толком и не начавшись. Линь Мусинь, дёрнув сына за руку, быстро, почти бегом, увела его прочь. Цзи Линьсюэ молча смотрел им вслед, на две фигуры — большую и маленькую, — которые быстро удалялись по длинному коридору.

— Что-то ты долго, — раздался сзади знакомый голос.

Он обернулся. Гу Хэнчжи стоял у стены, прислонившись к ней плечом, и лениво наблюдал за ним. Руки скрещены на груди, взгляд чуть прищурен. Сколько он там простоял — неизвестно. Мог появиться минуту назад, а мог слушать с самого начала.

Цзи Линьсюэ бросил взгляд на выход — Линь Мусинь и Гу Цзыси уже скрылись за поворотом. Он не знал, слышал ли Гу Хэнчжи их разговор, и если да, то сколько. Сердце на секунду ёкнуло, но он заставил себя успокоиться.

— Знакомых встретил, — как можно небрежнее ответил он, принимая из рук Гу Хэнчжи поднос. — Заболтались.

— В этом городе у тебя есть знакомые, кроме нас? — голос Гу Хэнчжи звучал рассеянно, даже скучающе, но в глубине тёмных глаз мелькнуло что-то, чему Цзи Линьсюэ не нашёл названия. Что-то острое, внимательное.

— Находятся.

— Приятно пообщались?

— Не очень.

Они пошли обратно, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Гу Хэнчжи молчал, и только в глубине его зрачков на мгновение блеснул холодный, острый свет — и тут же погас.

Две тарелки с нарезанными фруктами — арбуз, дыня, виноград, — которые они принесли, опустели за считанные минуты. Шэнь Шаоянь облизнулся и, довольно откинувшись на спинку дивана, сладко потянулся.

— Отдохнули — пора и в баню.

Лу Юй лениво, как большой кот, потянулся и встал.

— Веди.

В этом заведении мужские и женские купальни были разделены. Никаких общих залов, как в северных банях, где все парятся вместе, хлещут друг друга вениками и вообще не знают стеснения. Здесь были отдельные кабинки — уютные, приватные, с ширмами и каменными дорожками.

Узнав об этом, Цзи Линьсюэ мысленно выдохнул с облегчением. Целый камень с души.

Он всю жизнь прожил на юге и никогда не пробовал банных процедур. Одной мысли о том, чтобы оказаться голым среди незнакомых людей, было достаточно, чтобы щёки залились краской. А тут — отдельная комната, только свои.

Шэнь Шаоянь забронировал четырёхместный номер в китайском стиле — открытая терраса, искусственный пруд с золотыми рыбками, бамбуковые ширмы, каменные фонарики. В центре, окружённый гладкими, отполированными водой камнями, парил горячий источник, от которого поднимался лёгкий, прозрачный, чуть сладковатый пар. Рядом, на бамбуковых подносах, стояли напитки и лёгкие закуски.

Шэнь Шаоянь первым делом скинул халат, оставшись в плавках ядовито-розового цвета, режущего глаз.

Лу Юй закатил глаза к потолку.

— Здесь никого, кроме нас. Перед кем выпендриваешься? Перед рыбами?

— Перед тобой! — Шэнь Шаоянь оскалился и, недолго думая, с разбегу плюхнулся в воду, подняв тучу брызг.

— Смотрите, — Лу Юй ткнул пальцем в сторону довольно ёрзающего Шэнь Шаояня. — Напоминает только что сваренный куриный бульон. Прямо плавает там, как цыплёнок. Золотистый такой.

— Эй! — возмутился тот. — Ты кого цыплёнком назвал? У твоего цыплёнка есть пресс? Ты у своего цыплёнка пресс видел?

— Пресс? — Лу Юй изобразил глубокую задумчивость, почёсывая подбородок. — С одним кубиком? Нет, такого цыплёнка я действительно не встречал.

Через минуту они уже всю плескались друг в друга водой, как малые дети, забыв обо всём на свете.

Гу Хэнчжи, наблюдая за этой сценой, покачал головой и невольно улыбнулся.

— Ты сможешь? — спросил он у Цзи Линьсюэ, кивая на источник. В голосе его слышалась неподдельная тревога.

Цзи Линьсюэ понимал, о чём он. Тот случай в бассейне всё ещё сидел в памяти Гу Хэнчжи занозой. Сам он старался не вспоминать, но, видимо, у Гу Хэнчжи это получалось хуже.

Он посмотрел на тёплую, парящую воду. Источник был неглубоким — по пояс, не больше. Вода мягко поблёскивала в свете фонариков.

— Думаю, да. Попробую.

— Я помогу, — Гу Хэнчжи развязал пояс халата, и тот упал на каменный пол, обнажая подтянутое, сильное тело.

Из воды, как перископ, показалась голова Шэнь Шаояня.

— Ого, Хэн-гэ, у тебя пресс ещё круче стал! — завистливо протянул он. — Прямо как у статуи!

Действительно, раньше мышцы только угадывались, а теперь проступили чётко, рельефно, заставляя завидовать даже парней. Каждая линия, каждая впадинка — как будто вырезано резцом скульптора.

Цзи Линьсюэ, хоть и занимался спортом не меньше, прекрасно понимал, что до такого ему далеко. Он другой породы — тоньше, изящнее.

Он скинул халат. Под ним оказались чёрные плавки — такие же, как у Гу Хэнчжи, простая классика. Но если на Гу Хэнчжи взгляд падал в первую очередь на мышцы, на эту опасную, притягательную, звериную силу, то Цзи Линьсюэ приковывал к себе по-другому.

Кожей.

Она была настолько белой, что на фоне чёрной ткани казалась почти светящейся, фарфоровой, нереальной. Гладкая, чистая, без единого изъяна, без единой родинки — как драгоценный нефрит, который хочется взять в руки и рассматривать бесконечно, боясь уронить.

Из-за травмы правая рука была чуть тоньше левой, но в целом фигура выглядела гармонично — подтянутая, стройная, без лишнего.

Шэнь Шаоянь потрогал свой плоский, лишённый намёка на мускулы живот и вздохнул так, будто попрощался с последней надеждой.

— Снежок, у тебя тоже неплохо, — признал он. — Может, мне с вами начать тренироваться? А то я скоро совсем раскисну.

— Сначала научись вставать до обеда, — тут же вставил Лу Юй, не упуская возможности подколоть. — А то спишь до двенадцати, как сурок в норе. Какие тренировки?

— Лу Юй, ты чешуи захотел?! — Шэнь Шаоянь зачерпнул пригоршню воды и метко запустил в обидчика.

Тот ответил тем же.

— Дети, — фыркнул Гу Хэнчжи с высоты своего роста и, осторожно взяв Цзи Линьсюэ за руку, помог ему спуститься в воду.

Цзи Линьсюэ кивнул и медленно, шаг за шагом, погрузился в горячий источник. Сначала по щиколотку, потом по колено, потом по пояс...

В отличие от ледяной, враждебной воды бассейна, здесь было тепло, мягко, уютно, почти домашнему. Вода ласково обволакивала тело, расслабляя каждую мышцу, каждую клеточку, заставляя кожу довольно млеть.

Цзи Линьсюэ прикрыл глаза и откинулся на гладкий, тёплый бортик. На губах его застыла лёгкая, расслабленная, почти блаженная улыбка.

Гу Хэнчжи смотрел на него и чувствовал, как в груди разливается что-то тёплое, тягучее, как этот самый пар. Он напоминал сейчас кошку — с виду гордую, независимую, неприступную, но когда ей хорошо, она превращается в мягкий, мурлыкающий, доверчивый комочек.

— Брызг!

Вода попала Гу Хэнчжи прямо в лицо, холодным веером разлетевшись по коже.

Он медленно, очень медленно, провёл рукой по волосам, убирая мокрые пряди со лба, и тяжёлым, многообещающим взглядом уставился на Шэнь Шаояня.

— Кожу чешется? — голос звучал тихо, но от этого становилось только страшнее.

— Хэн-гэ, давай к нам! — Шэнь Шаоянь, у которого глаза уже слезились от воды, которую Лу Юй лил на него без остановки, отчаянно замахал рукой, призывая на помощь подкрепление.

— Скучно, — Гу Хэнчжи лениво откинулся на бортик и снова прикрыл глаза, давая понять, что эта детская возня его совершенно не интересует.

— Ну и зануда! — вздохнул Шэнь Шаоянь, но в его голосе не было обиды — только притворное возмущение.

Через некоторое время Гу Хэнчжи всё же выбрался на берег, взял с подноса фрукты и вернулся к Цзи Линьсюэ.

— Поешь, — сказал он, протягивая тарелку с аккуратно нарезанными кусочками дыни и арбуза.

Цзи Линьсюэ приоткрыл глаза — он почти задремал в этой блаженной неге, убаюканный теплом и тишиной.

Он потёр глаза кулаком, как ребёнок. На длинных, тёмных ресницах блестели мелкие капельки воды, щёки покраснелись от пара — вид у него был такой незащитный, такой тёплый, такой... соблазнительный, что у Гу Хэнчжи мгновенно пересохло во рту.

Он сглотнул. Наверное, просто пить захотелось. Слишком долго в горячей воде, надо бы охладиться.

— Спасибо, — Цзи Линьсюэ взял кусочек дыни, медленно прожевал, прикрыв глаза от удовольствия. Губы его, влажные, припухшие от жара, блестели, как спелые ягоды, как свежий мёд.

Гу Хэнчжи поспешно поставил тарелку на бортик и отошёл в сторону, к кулеру с холодной водой. Глотнул, потом ещё. Жар понемногу отпускал.

Когда он вернулся, Цзи Линьсюэ уже окончательно проснулся. Шэнь Шаоянь, подплыв к нему с хитрой, как у кота, улыбкой, окатил его водой с головы до ног.

— Снежок, вставай! Солнце уже высоко, просыпайся!

Цзи Линьсюэ вытер лицо рукой и, недолго думая, ответил тем же — зачерпнул полные пригоршни воды и метко выплеснул в обидчика.

— А вот и не попал! — Шэнь Шаоянь, привыкший к таким атакам, ловко увернулся, нырнув под воду.

Вода, пущенная с такой силой, угодила прямо в Гу Хэнчжи, который только что спустился в источник, не ожидая подвоха.

Он медленно, с драматической паузой, провёл рукой по лицу, убирая воду.

— Кто? — голос звучал тихо, но от этого становилось только страшнее.

— Он! — Шэнь Шаоянь, не моргнув глазом, вынырнул из-под воды и ткнул пальцем в Цзи Линьсюэ, сдавая его с потрохами.

— Вот как?

Гу Хэнчжи зачерпнул воды в два раза больше, чем до этого Цзи Линьсюэ, и обрушил на него настоящий водопад.

Тот откинул мокрые волосы назад, открывая чистое, сияющее лицо, на котором не было ни капли обиды — только азарт.

— Гу Хэнчжи, — в голосе его звенела улыбка, предвкушение битвы, — ты труп.

— И что ты мне сделаешь? — усмехнулся тот, сверкнув глазами.

Вода взметнулась вверх фонтаном. Гу Хэнчжи ловко уклонился, но брызги всё равно окатили его со спины.

Они носились по источнику, как дети, забыв обо всём на свете — о возрасте, о статусе, о том, что они вообще-то уже взрослые люди.

Шэнь Шаоянь, оставшийся в стороне и забытый всеми, наблюдал за этой сценой с выражением лёгкой обиды и недоумения.

— А говорил, что играть скучно, — пробормотал он себе под нос, глядя на то, как двое его друзей с упоением поливают друг друга водой. — Говорил, что неинтересно. А сам...

Лу Юй бесшумно подплыл к нему и дружески, сочувственно похлопал по плечу.

— Ты ещё не привык? — усмехнулся он. — Давно пора.

За последнее время Гу Хэнчжи сильно изменился. После той истории с похищением он стал спокойнее, взрослее, сдержаннее. В нём появилась какая-то новая глубина, какая-то тихая сила.

Но рядом с Цзи Линьсюэ он по-прежнему превращался в ребёнка. И это, пожалуй, было самым удивительным.

<http://bllate.org/book/16531/1569402>